

ПОЛЕВАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Е. В. Кашкин

Вместо предисловия

В данной статье речь пойдёт о проекте по типологически ориентированному полевому исследованию лексической семантики, который был развит под непосредственным руководством автора в уральских экспедициях кафедры ТиПЛ в 2000-е гг. Модель организации этих экспедиций во многих ключевых вопросах следует традиции Александра Евгеньевича Кибрика. Неотделима от этой традиции и экспедиционная деятельность автора статьи. Но нельзя не сказать и о том колоссальном влиянии, которое оказала на автора и традиция полевых исследований Ариадны Ивановны Кузнецовой, участвовавшей в экспедициях кафедры до последних лет жизни и в целом являвшейся в течение десятка лет научным руководителем автора. Ариадна Ивановна была готова одобрить не все наши теоретические и методологические решения, но зачастую именно в спорах рождалась истина (или хотя бы намечались пути приближения к ней). И именно научное общение с Ариадной Ивановной помогло обратить внимание на многие исследовательские проблемы, о которых пойдёт речь в статье, и задуматься о необходимости и о вариантах их преодоления.

1. О задаче

Проект, которому посвящена эта статья, развивается с 2009 г. в уральских экспедициях А. И. Кузнецовой (по 2013 г.) и С. Ю. Толдовой, проводимых на кафедре ТиПЛ, а также в собственных экспедициях автора, организуемых с 2010 г. За это время были обследованы фрагменты лексической системы коми-зырянского, мокшанского, горномарийского, хантыйского, ненецкого языков, по отдельным темам велась работа и с носителями других уральских языков, проживающими в местах, где проходили экспедиции.

Помимо самого автора, осуществляющего общее научное руководство проектом, в разные годы в эту работу были вовлечены 26 студентов и аспирантов ОТиПЛ, 11 привлечённых к экспедициям МГУ

Ф346
Ф347
Ф348
Ф349
Ф350

студентов НИУ ВШЭ и двое лингвистов из других организаций¹. Методика и теоретические установки наших лексико-семантических исследований строятся по сути на тех же принципах, что и полевой сбор грамматических данных в традиции А. Е. Кибрика и его учеников. В то же время, лексический материал привносит свою методологическую специфику, о ряде аспектов которой и пойдёт речь в статье.

Основным предметом исследования в экспедиционной традиции А. Е. Кибрика была и остаётся, несомненно, грамматика. Однако было бы неверно утверждать, что исследования лексики вовсе чужды ей. Достаточно упомянуть хотя бы работы Кибрик и др. 1977; Кибрик, Кодзасов 1988, 1990, содержащие колоссальный объём сведений о лексике языков Дагестана. В других экспедиционных традициях ОТиПЛ (ОСиПЛ) лексике уделялось ещё большее внимание: можно вспомнить здесь и экспедиции Б. Ю. Городецкого, и уральские экспедиции А. И. Кузнецовой и её учеников, см. описания лексики селькупского языка в Кузнецова и др. 1980: 12–117, а также лексикографические проекты Кузнецова и др. 1993; Казакевич и др. 2002; Кузнецова (отв. ред.) 2010; Казакевич, Будянская 2010; Кузнецова и др. 2013.

Все перечисленные исследования лексики оставались, однако, скорее, на периферии общего направления экспедиций ОТиПЛ (ОСиПЛ) — по крайней мере экспедиций А. Е. Кибрика и его учеников. Во многом это происходило потому, что методологическая база для типологических исследований лексики долгие годы была разработана существенно хуже, чем для исследований грамматики (об этом говорится и в Кибрик и др. 1977: 42). Последнее десятилетие,

---

¹ В разные годы в работе участвовали М. Бибаева, Д. Бикина, У. Багрянская, А. Бобренкова, О. Волков, В. Гаркавая, Т. Давидюк, А. Дрофа, В. Дьячков, А. Евстигнеева, Д. Жорник, А. Закирова, Е. Захарова, А. Кожемякина, А. Козлов, М. Курзуков, А. Ладыгина, Е. Лучина, А. Максимова, А. Мельник, Д. Мордашова, Н. Муравьёв, С. Никифорова, Е. Новикова, Е. Павлова, П. Плешак, М. Привизенцева, Д. Рахман, Е. Ренковская, М. Сапожникова, М. Сидорова, А. Сиротина, И. Стенин, Е. Тихонова, В. Тух, И. Хомченкова, М. Шапиро, Т. Шалганова, О. Шаповалова. Автор благодарит за совместную работу всех участников проекта, а также других участников экспедиций, принимавших участие в обсуждениях наших тем. В то же время, за все сделанные в статье утверждения и за любые недостатки статьи несёт ответственность исключительно её автор.

однако, было ознаменовано развитием новой ветви типологических исследований — лексической типологии, см. обзоры в Рахилина, Плунгян 2007; Рахилина, Резникова 2013 и многочисленные проекты по исследованию отдельных полей, например Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Брицын и др. (ред.) 2009; Круглякова 2010; Кашкин 2013; Koptjevskaja-Tamm (ed.) 2015 и мн. др. И именно та теоретическая и методологическая база, которая была развита и продолжает развиваться сейчас в исследованиях по лексической типологии, позволила активизировать экспедиционные исследования лексики, одновременно связав их с типологическим багажом сведений о варьировании естественного языка, на чём всегда был основан и анализ грамматического материала в традиции А. Е. Кибрика.

В нашей работе мы следуем методологическому подходу, разработанному Московской лексико-типологической группой под руководством Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой. Суть этого подхода состоит в типологическом сопоставлении лексических единиц на основе анализа их сочетаемости по анкете, единообразной для всех привлекаемых к исследованию языков. Мы не будем обсуждать здесь эмпирические и теоретические достижения лексической типологии, процедуру сбора данных, предложенную Е. В. Рахилиной и коллегами, а также сопоставлять их подход с другими методологическими решениями. Этому уже посвящена обширная литература, см. хотя бы обзоры Рахилина, Плунгян 2007; Рахилина, Резникова 2013; Кашкин 2013: 15–44. Вместо этого мы сфокусируемся на некоторых вопросах общей организации нашей работы (этому посвящён раздел 2), а также на ряде методологических проблем, с которыми мы столкнулись, и путях их решения (об этом речь пойдёт в разделе 3). Итоги нашего обсуждения подводятся в разделе 4.

2. Об организации работы

Участники экспедиций, занимающиеся исследованием лексики, ведут эту работу параллельно с изучением грамматической темы. В первые годы нашей работы некоторые экспедиционеры были сконцентрированы только на лексической теме, но в дальнейшем мы отказались от этой практики. Причин для такого решения можно назвать две. Во-первых, совмещение тем у одного участника, при его должной активности абсолютно укладываясь в доступный

рабочий график, позволяет охватывать больше лексических анкет и при этом не отрывает коллектив экспедиции от занятий грамматикой. Во-вторых, выбранная нами концепция сбора лексико-типологических данных предполагает, что обработкой анкеты должен заниматься эксперт по языку, хорошо ориентирующийся в его системе. Несомненно, участник экспедиции, вовлечённый в коллективное исследование грамматики языка, становится лучшим экспертом по языку, чем если бы он занимался только лексической анкетой. В этом смысле выбранный нами стиль работы более выгоден и для лексической типологии, поскольку до некоторой степени повышает надёжность исходных данных.

Сами выбираемые нами темы представляют только отдельные фрагменты лексической системы (в частности, участниками экспедиций изучались глаголы плавания, вращения, колебания, звучания, падения, прилагательные размера, качеств поверхности, температуры, мягкости-твёрдости, возраста и некоторые другие семантические группы). Сплошного описания лексической системы языка, аналогичного лексикографическим проектам, наша работа на данной стадии не предполагает — во-первых, из-за несопоставимо большего объёма такой работы по сравнению с тем, что могла бы осилить экспедиция (с учётом требования детального анализа сочетаемости каждой лексемы), во-вторых, в силу того, что типологические анкеты разработаны пока что далеко не для всех групп лексики². В этом пункте мы отличаемся от традиции всеохватного рассмотрения грамматики в традиции А. Е. Кибрика. Причина этого отличия, однако, понятна и состоит в том, что лексем и лексических полей в любом языке несопоставимо больше, чем грамматических категорий.

Нашему сбору лексических данных, кроме того, оказывается крайне близка идея А. Е. Кибрика (2005: 55) о том, что наиболее благоприятная исследовательская ситуация возникает при работе

---

² Заметим, вместе с тем, что сбор лексико-типологических анкет оказывался в нашей практике крайне полезным для лексикографических проектов, реализованных в отдельных экспедициях. Так, многие статьи словаря Кузнецова (ред.) 2010, написанного по результатам экспедиций кафедры в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО, содержат сведения из типологических анкет и оказываются благодаря этому более детальными. В частности, это статьи для глаголов плавания, вращения, боли и для некоторых групп прилагательных.

с языками, для которых не разработано глубокой лингвистической традиции. Дело в том, что лексикография для тех языков, с которыми мы работали, разработана пока в целом слабо. С помощью словарей можно узнать основной набор переводных эквивалентов для лексем, во многих случаях увидеть отдельные примеры употребления и в некоторых случаях очертить диалектный ареал распространения лексем. Но детальные сведения о сочетаемости лексем, на анализе которых основан принятый нами подход к лексической типологии, в словарях в подавляющем большинстве случаев не приводятся. Это в чём-то сближает нашу работу с опытом первых экспедиций, когда многие языковые факты нужно было открывать и исследовать с нуля, и отличает её от современной работы по грамматическим темам. Последние во многих случаях получили освещение как в описательных грамматиках достаточно высокого уровня, так и в проблемных типологически ориентированных статьях, в результате чего работа по таким темам в экспедиции становится неадекватной без внимательного учёта существующих описаний.

В то же время мы не отказываемся полностью от словарей и от имеющихся (впрочем, не очень многочисленных) публикаций по интересующим нас лексическим полям. Во-первых, из таких источников мы можем почерпнуть языковые данные, которые необходимо проверить с информантом. Во многих случаях оказывается, что информанты сами не предлагают при анкетировании каких-либо лексем в силу их периферийности, но при предъявлении таких лексем узнают их и отвечают на наши вопросы об их сочетаемости и семантике. Во-вторых, в том случае, если необходимо по соображениям времени и количества участников ограничить круг лексических тем для конкретной экспедиции, предварительный анализ словарей (в первую очередь словарей большого объёма) помогает ранжировать темы по потенциальной значимости данных конкретного языка для типологических проектов. Мы можем таким образом выбрать то, что, скорее всего, будет устроено богато и может принести ещё не изведанные типологические противопоставления, и «отложить» то, для чего в словарях приводится совсем бедное число лексем и число значений. Разумеется, в таких случаях исследователь не застрахован от того, что словарь потеряет важную информацию либо будет содержать сведения, не актуальные для конкретного диалекта. В некоторых случаях, однако, отказ

от такого предварительного рассмотрения создавал нам ситуации не очень продуктивной работы. Так, в мокшанском и ненецком языках не принесла практически никаких типологически релевантных открытий и существенных уточнений словарных данных работа с прилагательными ‘глухой’ и ‘слепой’ (во многих других языках устроенных, однако, богато, см. Бикина и др. 2014), а в хантыйском языке такая же проблема возникла с прилагательными ‘живой’, ‘мёртвый’, ‘дохлый’ (ср. с их семантическим богатством хотя бы в русском или английском языках). Поэтому в настоящее время мы проводим предварительное ранжирование тем, но при наличии времени и свободных исследователей не исключаем рассмотрения тех полей, которые в первом представлении были оценены как бедные.

3. Некоторые методологические проблемы

3.1. Выбор информанта

Краеугольным камнем полевого исследования является привлечение к работе информантов, свободно владеющим языком-объектом. Естественно, этот факт эксплицируется и в Кибрик 1972: 82. Как свидетельствует опыт нашей работы, для полевых исследований лексики это требование критически важно, иногда даже в большей степени, чем для исследований грамматики. Социолингвистический статус малых языков России сейчас таков, что в идиолектах многих информантов расшатываются те или иные черты языковой системы. И у многих информантов одними из первых расшатываются именно тонкие различия в лексической семантике. По этой причине сбор лексико-типологической анкеты с информантом, владеющим родным языком нетвёрдо (в силу поколенческих различий, отрыва от языковой среды, русификации по каким-либо иным причинам), может не принести данных нужного массива и качества, в т. ч. принести ненадёжные данные (даже в том случае, если с таким информантом продуктивно ведётся работа по грамматическим анкетам, озвучивание базового словника или анализ текстов). Одновременно это свидетельствует о необходимости детального социолнгвистического опроса информантов при сборе лексико-типологических анкет (что, впрочем, справедливо для любого полевого исследования и также отмечалось А. Е. Кибриком). Примеров такого рода в нашей практике встречалась масса. Здесь мы остановимся на двух из них: оба касаются анкеты на признаковые слова, описывающие фактуру поверхности (‘скользящий’, ‘гладкий’, ‘ровный’, ‘шершавый’ — подробный анализ языкового материала см. в Кашкин 2013).

С первым из примеров мы столкнулись при полевом исследовании мокшанского (мокша-мордовского) языка. Помимо указанного лексического поля, предмет нашей работы в этой экспедиции составляло употребление маркеров определённости. Основным фактором, обуславливающим выбор этих маркеров в мордовских языках, является определённый референциальный статус ИГ, но в целом это явление устроено многофакторно, определяясь также синтаксическими и коммуникативными свойствами ИГ (см. подробнее Сердобольская, Толдова 2012; Кашкин 2014). По обеим темам нами велась работа с информанткой 1951 г. р., а также с её внучкой 1995 г. р. Обе информантки пользуются родным языком в повседневной жизни, и в целом мокшанский язык передаётся молодому поколению, но речь и уровень владения языком у последних испытывают более сильное влияние русского языка. Закономерности употребления маркеров определённости в идиолекте внучки абсолютно соответствовали закономерностям, присутствующим и в идиолекте её бабушки, и в целом в обследованном нами говоре. Что же касается исследованного нами фрагмента лексической системы, то он в идиолекте внучки оказался существенно более редуцированным: в нём присутствовали лексемы *gur'kstams* 'скользить, быть скользким', *vid'a* 'прямой, ровный', однако отсутствовали (не порождались на стимулы анкеты и не опознавались с мокшанского стимула) лексемы *valaz'e* 'скользкий' (описывает класс скользких поверхностей, покрытых посторонним веществом — наряду с доминантной лексемой *gur'kstams*), *vad'av* 'гладкий' и *kaz'amə* 'шершавый'. И бабушке этой информантки, и большинству других опрошенных нами носителей все эти лексемы были прекрасно знакомы и использовались ими для описания самых разных повседневных реалий.

Другой пример — из нашей работы в 2013 г. с носителями лугового марийского языка, переехавшими на работу в с. Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого АО. Основной целью экспедиции в это село было исследование языков его коренного населения — ненцев и коми-ижемцев. Вместе с тем мы воспользовались и представившейся возможностью проверить и уточнить собранные ранее марийские данные с неожиданно встретившимися в селе носителями этого языка. В частности, по нашей анкете были опрошены две родные сестры (носители одного и того же марийского говора, взаимопонятного с литературным языком, обе с педа-

гогическим образованием). Первая из сестёр родилась в 1961 г. и переехала в Ямало-Ненецкий АО в 1997 г., вторая родилась в 1964 г. и переехала в Ямало-Ненецкий АО в 2005 г. Обе информантки, с их слов, общаются между собой и с родственниками по-марийски, в первую очередь, когда приезжают на родину в отпуск. В целом, однако, центральным языком общения для них стал русский, причём у второй сестры отрыв от марийской языковой среды произошёл на 8 лет позже. При сборе типологической анкеты оказалось, что в идиолекте второй сестры (переехавшей за Урал позже) сохранены все центральные семантические противопоставления, в целом характерные для поля фактуры поверхностей в марийском языке (см. о них подробнее Кашкин 2013: 173–192). В идиолекте же первой сестры (переехавшей за Урал раньше) некоторые системные противопоставления оказались стёрты (например, сфера употребления прилагательного *йывыжа* ‘гладкий’ оказалась значительно более размытой по сравнению с тем, что дал опрос других носителей марийского языка и обследование словарей).

Что касается вопросов грамотности и лингвистической неискущённости информанта (последнее оценивается как положительное качество в Кибрик 1972: 84), то здесь мы стараемся скорее достичь «золотой середины», работая как с информантами, не имеющими совсем никаких лингвистических знаний (а иногда и не имеющими образования свыше нескольких классов школы), так и с более грамотными информантами (в том числе с учителями русского, родного или иностранного языка). Для исследований лексической семантики у каждой из категорий информантов есть свои положительные качества. У менее грамотных информантов нередко оказывается более аутентичной система их родного языка, часто они лучше ощущают неправильную сочетаемость и менее подвержены русскому влиянию (в т. ч. при сборе метафор, см. раздел 3.4). С другой стороны, более грамотные (а также более искущённые лингвистически) информанты в некоторых случаях могут чётко сформулировать какие-либо семантические различия между лексемами их родного языка, что помогает исследователю при дальнейшем построении и проверке гипотез. Так, при изучении глаголов звука в хантыйском языке (Кашкин, Павлова 2010; Павлова, Кашкин 2011) оказалась исключительно продуктивной работа со школьным учителем родного языка, формулировавшим в ответ на наши попытки заменять в примерах одну лексему на другую немало тонких наблю-

дений о том, какие различия возникают при такой замене и почему данная лексема невозможна в том или ином контексте. Практически все эти наблюдения подтвердились затем при работе с другими информантами, которым был предложен набор контекстов, дополненный с учётом суждений учителя (всецело полагаться в таких вопросах на толкования, полученные от одного информанта, естественно, нельзя, и нами всегда проводится проверка таких данных).

3.2. Учёт контекста

При сборе лексических анкет по принятой нами методике важно учитывать не только сочетаемость лексемы с конкретными её аргументами, но и контекст в целом, а также убеждаться в том, что информант понял этот контекст правильно и ответил ровно на тот вопрос анкеты, который ему задавался. С затруднениями такого типа нам приходилось встречаться неоднократно. Так, один из носителей мокшанского языка на вопрос о том, можно ли сказать на его языке *kujs' tǝžnaj* (букв.: Змея шипит), ответил, что можно, а затем прокомментировал это так, что в змее много жира и, если её положить на горячую плиту, то этот жир, скорее всего, зашипит. Дело в том, что прототипически глагол *tǝžnams* описывает шипение жидкости на горячей поверхности (например, если поддать пару в бане), а к шипению змеи в некоторых идиолектах оказывается применим, в некоторых – нет (либо, как вариант, применим только к той ситуации, когда змея ползёт в траве и речь идёт о звуке её соприкосновения с травой). Ещё более анекдотичный пример такого рода (сообщённый нам В. А. Ивановым) встретился при работе над той же темой в шокшинском диалекте эрзянского языка. При выяснении у информанта того, как описать звук, производимый мухой, оказалось, что муха называется на этом диалекте *karow*, и в некоторый момент информант напрочь перестал понимать, спрашивают ли его о жужжании мухи, о мычании коровы или о том, что корова зачем-то начала жужжать.

Встречаются такие проблемы и в более тонких местах: так, при сборе анкеты на прилагательные с семантикой 'шершавый', 'шероховатый' и под. (см. Кашкин 2013) различаются контексты регулярных неровностей (как, например, на наждачной бумаге) и нерегулярных неровностей (например, на доске, которая в целом обработана, но имеет шероховатости местами). Второй из этих контекстов информанты нередко пытаются переинтерпретировать как контекст неровностей, расположенных регулярно по всей поверх-

ности, предлагая там характерную именно для него лексему. Однако при дальнейшем углублении в материал оказывается, что такая лексема во многих случаях неприменима для нерегулярных неровностей.

Выработанным нами рецептом борьбы с описанными затруднениями становится в первую очередь максимальное прояснение информанту контекста анкеты и проверка того, что информант понял его правильно: это и обратный (пословный и общий) перевод примера на русский язык с изучаемого языка, и использование вспомогательных наглядных стимулов (например, досок с разными поверхностями, имеющимися у информанта). Очень полезной именно в таких ситуациях оказывается работа с образованными информантами, которые могут максимально чётко сформулировать на русском языке, что в точности описывает пример из их родного языка.

3.3. Естественность примеров

Ещё одна особенность работы над лексическими анкетами состоит в том, что примеры из опроса должны быть максимально естественными для информантов. В грамматических анкетах отклонения от этого принципа на практике нередки. Так, в сборнике Кузнецова (отв. ред.) 2012 можно, помимо прочего, встретить примеры, переводящиеся как «Петя заставляет Васю заставить меня нюхать цветок» (с. 346), «Я его заставил забыть самого себя» (с. 561) и «Я попросил его быть застреленным» (с. 686). В ряде случаев, впрочем, исследователь вынужден использовать такого рода примеры для более полного описания и для более убедительной аргументации (или опровержения) той или иной теоретической трактовки грамматического явления. Однако сбор лексических анкет теснее связан с экстралингвистическими реалиями, окружающими информанта, поэтому неестественность исходного вопроса зачастую ставит носителя языка в тупик.

Так, типологическое исследование глаголов вращения ('вертеться', 'кружиться', 'вращаться' и т. п.), представленное в Круглякова 2010, предполагает в том числе сбор контекстов, где описывается вращение турбины и вентилятора — но спрашивать что-либо подобное оказалось бессмысленно у носителей ижемского диалекта коми языка, проживающих в небольших посёлках Ямало-Ненецкого АО. В том же ижемском коми, а именно в с. Самбург, где коми-зыряне являются оленеводами или потомками оленеводов,

оказалось проблематично добиться от носителей языка уверенного перевода контекста «Дом рухнул», включённого в типологическую анкету на глаголы падения. Прототипическим жилищем, привычным для исконной культуры опрошенных информантов, был чум, падение которого в их повседневном дискурсе никак не описывается из-за неестественности ситуации (по словам одной из информанток, такая ситуация, наверное, возможна, если оленевод ставит чум в пьяном виде, но говорить об этом на своём языке она не желает).

В некоторых случаях проблемы со сбором лексических анкет обусловлены культурной неприемлемостью предложенных в них примеров. Так, вопрос о контексте 'сказать, не подумав' (включённом в анкету на прилагательные 'глухой', 'слепой' и на производные от них наречия) вызвал затруднения у одного из носителей ненецкого языка, которые он мотивировал тем, что ненцы всегда думают, прежде чем говорить, и так на его языке сказать нельзя. У собирателей уже упомянутой анкеты на глаголы вращения в хантыйском языке возникла проблема с контекстами типа 'Девушка вертится перед парнями', которые были непонятны информантам в связи с тем, что хантыйская девушка, по их словам, традиционно воспитывалась в скромности.

При изучении грамматики подобные казусы, как правило, легко преодолеваются заменой лексем в примерах. При сборе же лексических анкет здесь возникает более серьёзная методологическая проблема: неестественным и затруднительным для обработки оказывается не легко варьлируемое лексическое наполнение грамматической конструкции, а какой-либо из содержательных пунктов типологической анкеты, в результате чего, строго говоря, материал исследуемого языка оказывается не во всех точках сопоставим с другими языками выборки. В этом случае, однако, не остаётся другого выхода, кроме как исключить явно неестественный контекст из опроса и сравнивать исследуемый язык с типологическим фоном по остальным параметрам анкеты — в противном случае при попытке получить нужный пример любой ценой результаты могут оказаться недостоверными.

3.4. Метафоры

Определённые методологические сложности таит в себе и сбор метафорических значений лексем. Как уже отмечалось в лексической типологии (см., например, Рахилина 2007: 78–79), процесс метафоризации по своей природе достаточно творческий, метафора

может иметь разную степень употребительности vs. окказиональности, а иногда носители языка могут просто сочинять метафоры. С ярким примером такого рода мы столкнулись при сборе мокшанских метафор, развиваемых лексемами с семантикой фактуры поверхностей. От одного из носителей, свободно владеющего и регулярно пользующегося родным языком, нами было записано больше десятка таких метафор, сопровождаемых красочными примерами употребления. Однако при дальнейшей проверке большинство этих метафор вызвали недоумение и абсолютное неприятие у других носителей того же говора (как не обнаружилось они и в литературных словарях). По всей видимости, в данном случае продуктивное развитие метафор было обусловлено литературной грамотностью информанта и его опытом занятий мокшанским фольклором, но как лингвистический объект эти метафоры оказались скорее индивидуальны.

Вместе с тем разночтения в использовании и оценке метафор не сводятся только к фактору грамотности. Так, авторы статьи о глаголах звуков животных ('лаять', 'мяукать' и т. п.) в коми-зырянском говоре с. Мужы отмечают (см. Лучина, Стенин 2011: 184) значительное идиолектное варьирование их метафорических расширений (ср. рус. *каркать* 'предвещать беду', *Сосед меня облаял* и т. п.). Однако для информантов, с которыми велась проработка этой темы, не выделяется никаких явных корреляций между их социолингвистическим портретом и результатом сбора анкеты, указанная вариативность обусловлена во многом случайными причинами (литературным же коми языком не владеет практически никто из этих информантов).

Оптимальное решение такого рода проблем при сборе метафор состоит, по всей видимости, в сборе анкеты с большим количеством социолингвистически разнородных информантов и в выделении устойчивых сдвигов, регулярно воспроизводящихся в разных идиолектах. Разумеется, такой подход не всегда может провести чёткую грань между «регулярным» и «нерегулярным», но, во всяком случае, он позволяет отсеивать явно окказиональные метафоры.

4. Некоторые итоги

Выше мы обсудили некоторые особенности нашей работы по полевому изучению лексической семантики, а также ряд затруднений, возникающих в ходе этой работы, и возможные пути их решения. Мы надеемся, что наш опыт интеграции лексико-семантического проекта в работу экспедиции, сосредоточенной прототи-

чески на грамматике, будет востребован и другими исследовательскими коллективами. Нам представляется, что современное полевое исследование, ставящее перед собой задачу полного описания языковой системы, не может ограничиваться уровнями фонетики и грамматики, но должно охватывать также уровень лексики. Как показывает опыт, накопленный к этому моменту лексической типологией, лексика языка представляет собой чётко организованную систему, и исследовательская задача состоит в том, чтобы глубже осознать законы её организации, а также определить универсальные и вариативные черты каждого языка в рамках этой системы.

Литература

- Бикина Д. А., Виноградова О. И., Кашкин Е. В. 2014. Качественные признаки 'глухой' и 'слепой': перспективы построения типологии // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» (26-29.03.2014). Донецьк. 31–33.
- Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.) 2009. Концепт боль в типологическом освещении. Киев.
- Казакевич О. А., Будянская Е. М. 2010. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / под ред. О. А. Казакевич. Екатеринбург.
- Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. 2002. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 3. Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари. М.
- Кашкин Е. В. 2013. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс ... к.ф.н. М.
- Кашкин Е. В. 2014. Определенное склонение в мокшанском языке, говор с. Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского района Мордовии (по материалам летних экспедиций 2013-2014 гг.). Экспедиционный отчет. Рукопись.
- Кашкин Е. В., Павлова Е. К. 2010. Семантика глаголов звука в коми-зырянском и хантыйском языках // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. VI, ч. 3. 70–74.
- Кибрик А. Е. 1972. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.
- Кибрик А. Е. 2005. Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вяч. Вс. Иванова / Под ред. А. Е. Кибрика. М.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Д. С. 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1. Лексика. Фонетика. М.

- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1988. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1990. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.
- Круглякова В. А. 2010. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс... к.ф.н. М.
- Кузнецова А. И. (ред.) 2010. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург.
- Кузнецова А. И. (отв. ред.) 2012. — Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сб. статей / Ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. 1993. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Учебное пособие. М.
- Кузнецова А. И., Сердобольская Н. В., Усачёва М. Н., Бирюк О. Л., Идрисов Р. И. 2013. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка. М. Обновляемая онлайн-версия: <http://beserman.ru/>
- Лучина Е. С., Стенин И. А. 2011. Переносные значения глаголов, обозначающих звуки животных, в мужевском говоре коми-зырянского языка // Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова. Вып. 1. Воронеж. 178–188.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) 2007. Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.
- Павлова Е. К., Кашкин Е. В. 2011. Семантические особенности глаголов звука в коми-зырянском и хантыйском языках в типологической перспективе // Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова. Вып. 1. Воронеж. 171–177.
- Рахилина Е. В. 2007. Типы метафорических употреблений глаголов плаванья // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М. 76–105.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. 2007. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М. 9–26.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. 2013. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания, 2. 3–31.
- Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. 2012. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сб. статей. М. 59–141.
- Kortjevskaja-Tamm M. (ed.) 2015. The Linguistics of Temperature. Amsterdam, Philadelphia.